

Льюис Кэрролл

27 января 1832 – 14 января 1898

«Задачники» Льюиса Кэрролла

Давно критики, исследователи и литературоведы задаются вопросом, как в одном лице мог сочетаться автор затейливых историй об Алисе и многих других эксцентричных и парадоксальных сказок и стихотворений и внешне ничем не выделяющаяся личность, сухой математик – лектор Оксфордского университета и священник. Его книги «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» до сих пор не оставляют в покое критиков, философов, психологов, лингвистов. В чем же состоит загадка неослабевающего интереса к его творчеству?

Преподавателю математики Чарльзу Лутвиджу Доджсону, который изобрёл псевдоним Льюис Кэрролл, переведя два первых имени на латынь «Карлус Людовикус», тяжело давалась карьера лектора и священника. Он заикался и был настолько застенчив, что даже руки постоянно прятал под парой черно-серых перчаток. Но, несмотря на заикание, он легко общался с детьми, любил их фотографировать и занимать смешными нелепыми сказками и историями. Читателям многих стран известна история о том, как во время пикника он начал рассказывать длинную сказку Алисе Лиддел, дочери декана Оксфордского колледжа. Потом Кэрролл записал эту сказку, и родилась «Алиса в стране чудес». Но кроме математических сочинений, игр, головоломок и книг об Алисе, Льюис Кэрролл издал балладу «Охота на Снарка», два сборника юмористических стихов и сказку «Сильви и Бруно».

Как и откуда возникли гротескные персонажи историй Кэрролла?

В его сказках и балладах звучат мотивы английского детского фольклора. Некоторые герои «Алисы в зазеркалье» взяты из рифм Матушки Гусыни, например, Хампти-Дампти (Шалтай Болтай в переводе Маршака). В иллюстрациях к первым изданиям Алисы Хампти Дампти изображен в виде яйцевидного человечка, появились в сказке и другие герои детских рифмовок: Лев и Единорог, Твидлум и Твидли, когда Алиса встречается с ними, она читает наизусть всем известные рифмовки. Героев баллад Кэрролла часто называют парадоксальными. Но ведь что-то кроется за кажущейся нелепостью и парадоксом. Оказывается, многие поэмы Кэрролла ни что иное, как пародии на известные в то время скучные нравоучительные стихи и поэмы. Так, стихотворение Л. Кэрролла «Папа Вильям» - это пародия, на стихи Роберта Сузи «Утехи старика, и как он их достиг». Юноша, задающий вопросы, заносчив и свысока смотрит на человека почтенного возраста. Старик же терпеливо отвечает на идиотские вопросы. Эта пародия появляется в книге «Алиса в стране чудес» во время встречи с курящей кальян гусеницей:

Роберт Сузи (оригинал)
Утехи старика, и как он их достиг

*Ты старик , папа Вильям! - Воскликнул юнец,-
Твои редкие кудри седы.
Но как крепок! Здоровьем ты пышешь, отец,
В чем причина? Ответишь ли ты?*

*- Уже в юные годы, я понял, мой сын,
Что они улетят без следа,
Но здоровье и силы берег до седины.
Расточать их нельзя никогда.*

Льюис Кэрролл
Папа Вильям

*Ты старик, папа Вильям! - Воскликнул юнец,-
Твои кудри белы, словно мел.
А стоишь вверх ногами, Ты прав ли, отец?
В твои годы! Ведь есть же предел!?*

*Отвечал папа Вильям, - Сын! В юности я
Опасался мозга потерять,
Наконец догадался: их нет у меня.
Разве важно теперь, как стоять?*

В первых строках «Песни белго Рыцаря» «*I'll tell thee everything I can, it's nothing to relate...*» «*Я расскажу всё, что смогу, речь ни о чем пойдёт...*» Кэрролл высмеивает длинную и бессвязную поэму Генри Водсворда и передразнивает её название "*I'll give thee all, I can no more...*" «*Тебе всё дам, а больше не могу...*».

Кэрролл переиначил нравоучительное стихотворение английского богослова Исаака Уотса о маленькой пчёлке под названием «Против безделья и проказ» и главным героем становится уже не пчёлка а крокодил.

Исаак Уотс
Маленькая пчёлка

*Как мило маленькая пчёлка
Использует священный день,
Жужжит трудяга без умолку,
Кружит, не ведая про лень.
Как улей чудно смастерила!
Как распыляет дивно воск!
Кто трудится и не жалеет силы,
Получит сладкий стол и лоск.*

Льюис Кэрролл
Маленький крокодил

*Как мило маленький крокодил
Лелеет блестящий хвостик.
Чешую золотую в прохладный Нил
Погрузил и ждет рыбок в гости.
Как растопырил он коготки!
Как расплылся в доброй улыбке!
Как зубы его остры и крепки!
Пасть открыта... для мелкой рыбки.*

А в парадоксальной балладе «Морж и плотник» тот же размер, что и в поэме Томаса Гуда «Мечта Юджина Арама». Сравните:

*Однажды, летнею порой,
В вечерний тихий час,
Мальчишки шумною гурьбой
Из школы шли смеясь.
Вприпрыжку кто, кто просто так,
От дома вдалеке
Резвились дети тут и там,
Как рыбки в ручейке.*

Морж и Плотник
«Алиса в Зазеркалье»

*Пробила полночь на часах,
Но, странно, в эту ночь
Сияло солнце в небесах,
Стараясь во всю мочь.
Светила мрачная луна,
Обижена всерьез,
Что солнце знать не хочет сна,
Сует повсюду нос.*

– Но, главное, Кэрролл сумел перенести смешных и необычных сказочных героев во взрослую жизнь, приглашая читателей искать ответы на совсем не детские вопросы. Причудливые персонажи и обстоятельства, на самом деле, перенесены в реальность, в которой жил сам Льюис Кэрролл.

Возможно, что и в «Сказке о поросенке», из пьесы «Сильви и Бруно», прототипы героев тоже взяты из окружения Льюиса Кэрролла. Недалеким верблюдом, говорящим замысловатым, цветистым языком, или алчной жабой, желающей любой ценой подняться наверх, или несчастным, так и не сумевшим “прыгнуть”, поросенком могли быть коллеги Льюиса по колледжу. А маленькие птенчики? Да это то же светское общество Викторианской Англии, та же ложь, лицемерие, подбострастие, которые

высмеивали в своих произведениях Теккерея, Диккенс и Голсуорси.

А с печальной историей о странной паре Морже и Плотнике и доверчивых устрицах можно провести множество аналогий и не только в Викторианской Англии. Морж и Плотник приглашают простодушных устриц в поход, соблазняя приятным разговором о башмаках, о кораблях, сургучных печатях, морях, капусте и королях. Но вместо этого Морж и Плотник, еще до начала своей обширной программы, съедают незадачливых устриц. Зато обещание Моржа и Плотника выполнил О. Генри. Он повел так и не начатый Моржом разговор в повести, которую и назвал: «Короли и капуста». В ней присутствуют все герои парадоксальной баллады.

За легкостью, детскостью и кажущейся бессмыслицей скрываются очень серьезные общечеловеческие жизненные проблемы, животрепещущие и по сей день. Разве не перекликаются персонажи из «Сказки о поросенке» с гротескными героями произведений Гоголя и Салтыкова-Щедрина? А в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта» разве «надменные потомки известной подлостью прославленных отцов, жадною толпой стоящие у трона» не те же «благословенные птенчики», которые съедают друзей, кормят баронов плюшками, купаются в почестях и золоте и прячут преступления в саквояжи?

Викторианская Англия и царская Россия девятнадцатого века ушли в далекое прошлое, а мы до сих пор читаем сказки Льюиса Кэрролла и учимся у него детскими глазами смотреть на сложный и непонятный мир взрослых. А решать, заданные им задачи, так и не научились.

Стихи и поэмы Льюиса Кэрролла
Перевод с английского

Я расскажу все, что смогу...

или

Песня белого рыцаря.

Я расскажу всё, что смогу,

Речь не о чём пойдет:

Старик горбатый и седой

Присел на край ворот.

Спросил я: – Ты откуда, дед?

Как жить в твои года?

И полетел его ответ,

Как в решето вода.

– Я бабочек ловлю сачком,

Тех, что в колосьях спят,

И запекаю. С пирогом

За пенс продать я рад

Матросам, ведь они в пургу

Взлетают над волной!

Так зарабатывать могу

На хлеб и на вино.

Усы я выкрасить решил

Под цвет морской волны.

Затем их феном подсушил,

Чтоб не были видны.

Не знал я, что и отвечать.

Где правда, а где ложь?
Решил я деду по лбу дать:
– Ответь же, как живешь!

– Еще я способ приберег, –
Старик продолжил речь,
– С горы бегущий ручеек
Могу легко поджечь.

«Масла Роуландс», держу пари,
Используют мой труд,
Хотя всего по фунта три
На ужин отдают.
Решил тогда, что буду я
Питаться поплотней.
И потому день ото дня
Я делаюсь полней.

Трясти я деда начал так,
Что весь он посинел:
– Как, дед, живешь? Ответь, чудак!
Каких ты мастер дел?

– Варю из вереска я щи,
А из трески – рагу,
И делать кнопки на плащи
Из глаз трески могу.
Их не продать за золотой,
За шиллинг не продать,
Зато за медный грош простой
Я продаю по пять.

Я крабов прутиком извлек,

А если повезет,
То булка или сладкий сок
Порой перепадет.
В траве холмов, в тени густой
Легко мне клад найти.
Таков вот способ мой простой
Богатство обрести.

Твердил, что будто ржавый мост
В кипящем мыл вине,
И, подмигнув, совсем всерьез
Сказал на ухо мне:
– В те дни, когда не пью, не сплю
И нечего мне есть,
Здоровьем Вашим утолю
Я жажду, Ваша честь.

Хоть я не понял ничего,
его благодарил,
Ведь от здоровья моего
глотка он не отпил...
А стоит мне попасть впросак
рассудку вопреки,
И ногу правую в башмак
от левой вдеть ноги,
Ударить палец, в клей залезть,
Заплакав, вспомню вмиг,
Как у калитки, сгорблен весь,
Сидел один старик –

Старик, чей голос мягким был,
Чья речь была длинна,
Чьих глаз лукавых блеск слепил,

Как полночью луна,
Кто так сопел, как старый бык,
Кто тестом залепил язык,
Чья голова была седа,
Чье тело сгорбила беда...

Старик, что в летний вечер тот
Присел на край ворот.

Папа Вильям

Ты старик, папа Вильям! - Воскликнул юнец,-
Твои кудри белы, словно мел.
А стоишь вверх ногами, Ты прав ли, отец?
В твои годы! Ведь есть же предел!?

Отвечал папа Вильям, - Сын! В юности я
Опасался мозги потерять,
Наконец догадался: их нет у меня.
Разве важно теперь, как стоять?

Ты старик! Папа Вильям, что ни говори,
Стал ты толстым и круглым, как мяч.
Что же сальто вращаешь в проеме двери.
В чем причина? Ты разве циркач?

В мои юные годы качал я не раз
Эти мускулы, как только мог,
Есть и средство отличное — чудная мазь.
Покупай за три пенса, сынок!

Папа Вильям, давненько беззубым слывешь,
Эту правду не скроешь, отец!
А гуся и с костями, и с клювом грызешь.
В чем причина, ответь, наконец!

Все в порядке! Есть способ простой у меня,
Десны точатся с давней поры.
С твоей мамой без спора не прожил и дня.
Нет зубов — ну а десны остры.

Папа Вильям! Все знают, ты не молодой,
Старец — попросту говоря.
А бываешь совсем несмышленным порой:
На носу ты возвращаешь угря!

Мне терпения не занимать, сынок,
Я ответы давал на твой бред!
А теперь воздержись — и беги со всех ног,
Пока не схлопотал ответ.

Игра в пятёрки

Пять пухленьких малюток играют на ковре
В домике уютном или во дворе.

Пять кукол краснощёких — десятков пять на всех,
Делают уроки, теперь не до потех.

Пять тоненьких прелестниц, и двух десятков нет,
Язык, рисунки, песни, ночь, поцелуй, рассвет.

Пять ароматных лилий — ещё не двадцать пять.
Что, женихи, решили, которую сорвать?

Пять быстроногих с норовом, уже за двадцать пять.
Ах, предложения вздорные! Принять, иль отказать?

Пять интересных женщин, давно за тридцать пять.
Красоткам не обвенчанным что делать? Просто ждать?

Пять элегантных женщин — за сорок. Ах надежды!
Вы к юношам застенчивым нежны — не то, что прежде.

* * *

Пять... седина из-под чепцов. Их возраст? Суть не в этом.
Мы вместе бегаем трусцой, как все под лунным светом.
Что ж бывший холостяк-транжир? Теперь ответ найдет он
На тот вопрос, что стар, как мир: «Куда летят банкноты»?!

Морж и Плотник

«Алиса в Зазеркалье»

Пробила полночь на часах,
Но странно, в эту ночь
Сияло солнце в небесах,
Стараясь во всю мочь.
Светила мрачная луна,
Обижена всерьез,
Что солнце знать не хочет сна,
Сует повсюду нос.

А море, всех морей мокрей,
Плескалось возле ног,
И суше черствых сухарей
В глаза летел песок.
А Морж и Плотник босиком
Брели рука в руке.
Глаза засыпаны песком,
И слезы на песке.

Вдруг удрученный Морж спросил:
– Как думаешь, дружок?
Семи служанкам хватит сил
За год убрать песок?
– Хоть швабры дай – не навести
Порядок и красу, –
Заметил Плотник и пустил
Угрюмую слезу.

Так Морж и Плотник шли без сна,
Брели себе в тоске.
На небе солнце и луна,
И устрицы в песке.
Вдруг Морж внезапно засиял.
– Как рад я видеть вас! –
Он громко устрицам сказал,
– В сей поздний, ранний час.

Я приглашаю вас в поход,
Дойдем до самых гор.
Прекрасный вид, закат, восход,
Приятный разговор.
Вы только по четыре встать
В рядах своих должны,

Чтоб руку мы могли подать
Вам с каждой стороны.

Но устрица-старик в ответ
Глазенками моргнул.
– Нет, не хочу я лишних бед, –
Решил он и нырнул.
А молодые устри-цы,
Не пряча свой восторг,
С волны, как юные бойцы,
Скакнули на песок.

Чисты, блестят во всей красе
От шляпок до сапог.
Что странно, ведь у них у всех
Ни головы, ни ног?!
Шли дружно, словно на парад,
Прижав к плечу плечо,
Четыре встали в первый ряд,
А следом шли еще...

И так спешил за рядом ряд –
Веселых устриц строй.
В глаза летел песчинок град,
В ногах шумел прибой.
Шагали вдоль песчаных дюн,
Затем прервали путь.
Нашли Морж с Плотником валун,
Присели отдохнуть.

Стоял строй устриц возле ног
Рядами до сих пор
И ждал, чтоб Морж ускорить мог
«Приятный разговор».
Воскликнул Морж: – Пора начать
Наш разговор, друзья!
О том, как свиньям крылья дать,
Не думать нам нельзя.

О башмаках, о кораблях,
Морях, как кипятки,
И о капусте, королях
Поговорим чуток.
– Устали очень мы бежать,
К тому ж без ног и рук. –

Одна из устриц, чуть дыша,
Пожаловалась вдруг.

– Да, в спешке вред, как погляжу, –
Морж брякнул. – Что за прыть?
Тут стали устрицы Моржу
«Спасибо» говорить.
Морж Плотнику сказал: – Изволь!
Закуска ждет давно.
Есть хлеб и масло, перец, соль,
и уксус, и вино.

И стали устрицы грустней,
Бледней, чем лунный свет.
– Ужель друзей, что нет верней,
Съедите на обед?
Взял Плотник нож, без лишних слов
Намазал маслом хлеб.
Здесь Морж заплакал: – Ах! Каков
Ваш жребий. Он нелеп!

Мы сами звали их в поход
И подружились вмиг.
Ведь славный устрицы народ.
Я к ним уже привык.
Шагали вместе сотни миль,
Ну, как друзей предать!
Любая и любой нам мил.
Нет слов, чтоб передать!

Морж вынул носовой платок:
– Наш мир ужасно злой!
А плотник на второй кусок
Намазал масла слой.
Морж все рыдал и утирал
Горючих слез ручей,
А между делом отбирал
Он устриц пожирней.

– Мне жаль вас, устрицы, до слез, –
Рыдал печальный Морж.
Внезапно плотник произнес:
– Как наш поход хорош!
В такой компании назад
Вернуться был бы рад.

Но не последовал ответ,
Что вряд ли странно, господа!
Ведь устриц больше нет!

Сказка о Поросенке

(из «Сильвии и Бруно»)

Вступление

Маленькие Птенчики

Обедают вальяжно.

И прячут их лакеи

От любопытных глаз.

Лакеи ходят важно,

Взбираясь по ступенечкам.

Их гетры и ливреи

Попали в мой рассказ.

Намазывают Птенчики

Вареньице на истины,

И окорок под рюмку

В монастыре жуют.

А я и есть угрюмый

Монастырь тенистый.

Там славно пахнет жареным

И призраки снуют.

И обучают Птенчики

Тигриц улыбкам милым:

– Немножечко лукавства,

А губки в виде дуг.

Не корчиться – смеяться!

Но только в нужном стиле:

*В глазах сама невинность,
Наш ротик – полукруг.*

*И засыпают Птенчики.
Но спят, как на иголках...
Я жду, чтоб неудачник мог
Победу одержать.
Когда же усмехнется он,
Чихнув при этом громко,
Я, Ваш слуга покорный,
Рассказ смогу начать.*

Жил-был несчастный Поросенок
У дикого пруда.
Он издавал такие стоны,
Что пень и тот рыдал.
А в чем причина этих криков?
В чем горестный удел?
Да просто не умел он прыгать.
Он прыгать не умел.

Верблюд, что был горбат изрядно,
Решил задать вопрос:
– Вам больно или же досадно?
В чем суть обильных слез?
Копытами с трудом подвигав,
Не в силах скрыть тоску,
Наш Поросенок взвизгнул:
– Прыгать! Я прыгать не могу!

И, глянув на беднягу томно,
Верблюд ответил так:
– М-да-а! Вы, дружище, слишком полный.

Неоспоримый факт.
Такую жирную скотину
Я в жизни не видал.
Прыжки, мой друг, не для свинины,
Для тех, кто весом мал.
Но есть, пожалуй, вероятность.
Вот, если год подряд
Рысцою бегать многократно,
Возможен результат...
И прыгнете вы в перспективе,
Лет, скажем, через шесть...
Упорствуйте в своем порыве!
Надежда все же есть.

И вновь несчастный Поросенок
У старого пруда
Лежать остался огорченный,
Убитый, как всегда.
Свою щетину рвал он в клочья,
Копытами стучал,
– Хочу я прыгать, очень-очень! –
Он жалобно кричал.

Одна из Жаб, что за пригорком
Сидела до сих пор,
Пруд оглядела глазом зорким,
Вскочила на бугор.
– О, Поросенок, в чем сомненья?
Чем вызван этот стон?
– Нет прыгать у меня уменья, –
Вздыхнул печально он.

С ухмылкой победоносной,

Грудь лапкой теребя,
Сказала Жаба: – Это просто!
Я научу тебя.
Возьму я мизерную цену,
Ты сделаешь прыжок!
Приступим сразу, несомненно.
Готов начать урок?

Готов ты падать, спотыкаться,
От жгучих ран рыдать,
Но продолжать тренироваться,
И веру не терять?
Учиться будем постепенно,
Мы с малого начнем.
Ну... футов, скажем, в десять стену,
Как минимум, возьмем.

– О, Жаба, милая, поверьте,
Надежды слабый свет
В моем Вы зрители сердце.
Назад дороги нет.
Пусть улыбнется мне удача.
И заверяю Вас:
Назначьте цену, счет оплачен
Мной будет сей же час.

– Ах, я прошу довольно мало:
Баранины кусок,
И, чтоб я гордо созерцала
С вершины бугорок,
Пьянящий пруд и часть болотца
В придачу попрошу.
Ну а теперь, дружок, придется

Готовиться к прыжку!

Наш Поросенок что есть силы
Присел... толчок, рывок...
И... плюхнулся, уткнувшись рылом
В шершавый бугорок.
Так он лежал в траве зеленой,
Как брошенный мешок.
Был слышен хруст костей – не стоны.
Фатальным стал прыжок.

Отступление

*Пишут наши Птенчики
Книжки интересные,
И Повар их читает
Тогда, когда он сыт.
Читать – не переваривать!
А буквы, как известно,
Когда слегка поджарены,
Утрачивают вид.*

*Играют наши Птенчики
На дудочках изящных
Для зевак, храпящих
На пляжах в ранний час.
И говорят зеваки:
– Прелестно! Потрясающе!
Скорей ловите ПЕННИ-чки!
Скорей оставьте нас.*

*Любят наши Птенчики
Крокодилов в соусе.*

*В мечтаньях кратких радужных
Съедают сей обед.
Под соусом, иль голый он,
А не таков, как кажется,
Тот крокодил, что голоден.
Уж так устроен свет.*

Верблюды пришли, под вечер, сонный,
И с грустью проронил:
– О! Сердце! Кости! Поросенок!
Как бледен ты! Как мил!
Но я предупреждал, однако,
Не трать напрасно сил!
Не все – упорство и отвага,
Здесь нужен легкий стиль.

А наш несчастный Поросенок,
Как каменный мешок,
Лежал среди травы зеленой,
Был тих и одинок.
Не разрывал щетину в клочья,
Копытом не стучал.
– Хочу я прыгать очень-очень! –
Он больше не кричал.

И Жаба мрачная, как туча,
В печали и тоске,
– Ах, до чего я невезуча, –
Вздыхала вдалеке.
– Теперь мне не видать награды,
Я не взойду наверх.
Ни бугорок, ни пруд прохладный
Не получу вовек.

Заключение

*Маленькие Птенчики
Баронов кормят плюшками.
Они стрелять обучены,
Обучены плясать.
И так, забавы ради,
Зимой под грохот пушечный
Разрезают сёмгу
И ложатся спать.*

*В саквояжи Птенчики
Прячут преступления.
Прячут в час обеденный,
А на кутежах
Пьют благословенные,
А друзья их съедены.
Пьют благословенные,
Пьют... но и дрожат.*

*Маленькие Птенчики
В почестях и золоте.
Звонит, однако, колокол,
Вот и пробил час.
И бледнеют Птенчики,
Морщатся от холода...
А ваш слуга покорный
Завершил рассказ.*

Лодка под солнечным небом (Алиса в Зазеркалье)

Алеет под солнцем ясным,
Летит, как на парусах,
И тает лодка фантазий
Светлым облаком в небесах.

А осень краски сметает,
Гаснет эхо, скатившись с гор,
Льются звуки, слова и тают,
И в морозный летят простор.

Дети рады сказку послушать,
Дом замолк, тишина вокруг.
Если тихо, готовы уши
Ловить каждый новый звук.

Дети снова в лодке фантазий,
Уплывают в Страну Чудес
И под солнцем июльским ясным,
И под зимним светом небес.

Сказка им не дает покоя,
Их уносит поток золотой.
А что наша жизнь такое,
Если не лодка с мечтой?

